Станислав ГРОФ
Эрвин ЛАСЛО
Питер РАССЕЛ
РЕВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ
ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Эрвин Ласло
Станислав Гроф
Питер Рассел

Революция сознания. Трансатлантический диалог

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10394055
Революция сознания. Трансатлантический диалог: Издательство Института трансперсональной психологии, Издательство К. Кравчука, АСТ; Москва; 2004
ISBN 5-17-022717-5

Аннотация

Насколько велика вероятность осуществления сценария «конца света»? Можем ли мы изменить и развить свое сознание настолько, чтобы суметь спасти чреватый кризисами мир «снаружи» вокруг нас и преодолеть кризисы, осаждающие наши умы «внутри»? Трое крупнейших ученых размышляют в этой книге о шансах на установление мира во всем мире. Как выясняется в ходе их бесед, даже если речь идет о кризисе, о трансформации, о целях и ценностях, о мировоззрениях, о понимании себя и других, об искусстве, науке, религии и духовности, ключевым моментом, лежащим в основе практически всего остального, является состояние нашего сознания.

Содержание

Предисловие 5
Вступление 7
Первый день 9
Мир в трансформации 9
Приступая к теме: шансы на трансформацию 9
Смерть и возрождение: вымирание и обновление 15
Революция в сознании? 21
Первый день 25
Измерения трансформации 25
Сдвиг сознания в обществе, сдвиг парадигмы в науке 25
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Станислав Гроф, Эрвин Ласло, Питер Рассел
Революция сознания
Трансатлантический диалог
Два дня со Станиславом Грофом, Эрвином Ласло и Питером Расселом

Ervin Laszlo, Stanislav Grof, Peter Russell
The Consciousness Revolution
A Transatlantic dialogue
Element Shaftesbury, Dorset Boston, Massachusetts Melbourne, Victoria

Перевод с английского: Марка Драчинского
Научная редакция к. филос. н. Владимира Майкова

© 1999 Stanislav Grof, Ervin Laszlo, and Peter Russell
© 2004 Издательство Института трансперсональной психологии
© 2004 Издательство К. Кравчука
© 2004 Издательство АСТ

Предисловие

«Революция сознания» – это необычная дискуссия между тремя великолепными умами нашего времени, живыми в своем взаимообмене, сострадательными в своем охвате, блистательными в своем громком призыве к пробуждению нашей совести и сознания.

Станислав Гроф – один из величайших психологов нашего и любого времени, каким его, несомненно, признает история. Его многочисленные книги – «Области человеческого бессознательного», «За пределами мозга», «Космическая игра» и другие – уже снискали ему заслуженную славу. В своих многочисленных друзьях и коллегах он вызывает не только глубочайшее уважение, но и подлинное восхищение. Это настоящий первооткрыватель в современном освоении обширных и, по-видимому, безграничных областей сознания; начертанные им карты этого невероятного ландшафта освещают его с точностью и страстью, равных которым в наши дни нет.

Питер Рассел – блистательный теоретик, вносящий поразительный творческий импульс в любую затрагиваемую им тему. В своих книгах, таких как «Пробуждающаяся земля», «Глобальный мозг» и «Белая дыра во времени», Питер снова и снова возвращается к вопросу, который может оказаться для грядущего тысячелетия судьбоносным: как именно изменения в сознании воздействуют на трансформацию мира в целом?

Если наш завтрашний день может быть приятнее, чем сегодняшний, то что для этого мы – в том числе, и вы, и я – должны изменить в себе прямо сейчас? Или, быть может, время уже упущено? Что же тогда делать? Питер бьется над этими взыскующими вопросами, проявляя не только проницательный интеллект, но и подлинно сострадательное сердце, что сказывается на каждой написанной им странице.

Эрвина Ласло можно назвать гением системного мышления. В его книгах, слишком многочисленных, чтобы их можно было перечислить, – мои любимые это «Системный взгляд на мир», «Эволюция: великий синтез», «Выбор», «Шепчущий водоем» и «Третье тысячелетие» – Эрвин Ласло, возможно, яснее, чем кто-либо еще из ныне живущих, выразил тот ошеломляющий и в то же время столь часто незамечаемый факт, что мы живем в безнадежно взаимозависимой вселенной, где каждое отдельное явление почти чудесным образом связано с любым другим. Делом его жизни, которому он отдается уже четыре десятилетия, является четкий и последовательный призыв признать эту невероятно переплетенную вязь, представляющую собой наш мир, нашу жизнь, наши надежды и сны. Поднимаясь к целостному видению, он помог бесчисленному числу людей вырваться из узких тенет удручающей фрагментарности, вот уже три столетия преследующих современный мир. Именно Эрвин Ласло, следуя предложению Уве Моравеца из Университета международного мира в Берлине, стал составителем книги, которую вы сейчас держите в руках. Эти три человека встречались в течение нескольких дней, чтобы, как рассказывает Эрвин, «поразмышлять о шансах на установление мира во всем мире». «В результате же оказалось, – продолжает он, – что разговор идет о кризисе, о трансформации, о целях и ценностях, о мировоззрениях, о понимании себя и других, об искусстве, науке, религии и духовности. Более всего мы говорили о сознании, очень быстро обнаружив, что ключевым моментом, лежащим в основе практически всего остального, как раз и является состояние нашего сознания».

Так началась их беседа. Читая последующие страницы, вы сможете следить за развитием этого захватывающего разговора по мере того, как он разворачивается, тема за темой: разумеется, трансформация сознания важна, но важны и многие другие факторы – от методов воспитания детей до экономики и политических институтов. Каким же оказался итог этой встречи? Возможно, Питер скажет об этом лучше: «Мы все собираем по кусочку мозаику, которая позволит нам сделать свою жизнь более осмысленной, счастливой и здоровой,

наполнить ее большей взаимной заботой. Ценно каждое, даже самое крошечное, звено мозаики. Порой именно оно может внезапно объединить все остальные ее части, приведя к прорыву или духовному пробуждению. Если бы мы полагали, что наша задача – менять других, это означало бы, что мы упускаем главное. Мы считали бы себя какими-то особенными, имеющими право командовать и контролировать ситуацию. Все мы – части одного и того же рисунка. Каждый из нас должен задать себе главный вопрос: как я могу привести свою собственную жизнь в большее соответствие с этим рисунком? Что я должен сделать, чтобы моя крошечная, стотысячная доля была способна хоть в какой-то мере ускорить этот позитивный сдвиг?»

По моему мнению, Станислав Гроф, Питер *Рассел* и Эрвин Ласло проделали в настоящей книге, как и во многих других своих книгах, работу нескольких жизней по ускорению этого экстраординарного сдвига.

Кен Уилбер

Вступление

Летом 1996 года Стэн Гроф, Пит Рассел и я провели совместно два очень интенсивных дня. Первый – на террасе дома Стэна в роще возле Милл-Вэлли в Калифорнии, второй – на плавучем домике Пита в гавани Сосалито. Перед нами были – магнитофон и широкий ассортимент тем, на которые мы стремились пролить свет, как ради самих себя, так и ради других. Уве Моравец из берлинского Университета международного мира обратился к нам с просьбой поразмышлять о шансах на установление мира во всем мире. В результате же оказалось, что разговор идет о кризисе, о трансформации, о целях и ценностях, о мировоззрениях, о понимании себя и других, об искусстве, науке, религии и духовности. Более всего мы говорили о сознании, очень быстро обнаружив, что ключевым моментом, лежащим в основе практически всего остального, как раз и является состояние нашего сознания. Можем ли мы изменить и развить свое сознание настолько, чтобы суметь спасти чреватый кризисами мир «снаружи» вокруг нас и преодолеть кризисы, осаждающие наши умы «внутри»? После того, как вопрос был сформулирован таким образом, нам пришлось перейти к дискуссии о взаимосвязанности внешнего и внутреннего. Это, в свою очередь, породило вопросы о природе ума и мира и о том, что мы начинаем узнавать о них. Затем, вернувшись к вопросу об окружающем нас мире, мы задались вопросом, каким образом мы можем на деле с эффективностью использовать то, что уже начало возникать и стало называться нашей новой картой реальности.

Моя собственная роль в диалоге была двойной: будучи участником дискуссии, я в то же время был назначен на роль ее модератора, поэтому моей задачей было следить за тем, чтобы разговор оставался в предписанной ему колее, фокусируясь на проблемах, имеющих отношение к достижению мира во всем мире. Поначалу я полагал, что для того, чтобы не давать разговору уходить от этих тем, мне придется формулировать конкретные вопросы, но вскоре обнаружилось, что никакой необходимости в этом нет. Диалог, будучи начат, далее развивался сам по себе, напоминая самовозгорающееся пламя.

Моей главной заботой оказалось нечто противоположное – мы слишком часто соглашались друг с другом, в то время как диалог, по идее, должен быть взаимной игрой контрастирующих взглядов. По счастью, контраст все-таки имел место, но не столько в горизонтальной плоскости разнящихся концепций и точек зрения, сколько в вертикальной, где самые серьезные вопросы освещаются под разными углами зрения, что позволило нам пробиться ближе к их корням и истокам.

Затем, когда я уже редактировал запись нашей беседы, моя задача состояла в том, чтобы он принял удобочитаемую форму. Это было нетрудно. Каждый из нас самостоятельно поработал над дословной записью своего собственного вклада в дискуссию и скопировал на диск отредактированную им версию. Таким образом, читатель может быть уверен, что то, что предлагается ему в печатной форме, совпадает с тем, что каждый из нас на самом деле хотел высказать. Собрав выправленные материалы, я просто позаботился о связности и последовательности изложения, указав на основные обсуждавшиеся нами темы.

Мы надеемся, что читатель, следуя развитию нашей дискуссии в ходе этих двух незабываемых дней в Калифорнии, хотя бы в какой-то мере сможет ощутить владевшие нами возбуждение и страсть и, размышляя о сказанном нами, обретет собственные прозрения.

Мне остается поблагодарить Уве Моравеца и его коллег по Университету мира в Берлине за то, что они свели нас троих вместе. Все мы благодарны Кристине Гроф за гостеприимство, с которым она приняла нас в их со Стэном доме. Обстановка в эти два дня была идеальной, и, если высказанные за это время идеи имеют хоть какую-то ценность, то этому,

безусловно, в первую очередь способствовали замечательные условия, в которых мы могли ими обмениваться.

Эрвин Ласло

Первый день
Утро

Мир в трансформации

Приступая к теме: шансы на трансформацию

Ласло: Весьма актуален следующий вопрос: можно ли продолжать сегодняшний образ жизни, не провоцируя при этом аварийных ситуаций и кризисов и не ставя под угрозу благополучие всего мира? Озабоченность этим вопросом находит свое выражение хотя бы в том, как часто используется в наши дни слово «жизнеспособность».

Все говорят о жизнеспособности, но не все понимают, что именно поставлено на карту. Это нечто новое и неожиданное в истории человеческого рода – вести такой образ жизни, который не позволяет нам продолжать жить. Напрашивается неизбежный вывод: мы должны измениться. Боюсь, что вопрос уже идет не о том, *следует ли нам меняться,* а том, *как быстро и как качественно* мы изменимся. Поэтому вместо того чтобы обсуждать темы, которые обычно обсуждают все умные люди, – как много следует срубить или не срубить деревьев, и т. п. – мы должны честно обратиться к этому фундаментальному вопросу. Полагаю, что в первую очередь нам надо спросить себя, *где* мы находимся, *кто* мы такие и *как* мы смотрим на мир и на себя.

Возможно, мы приближаемся к величайшему водоразделу в истории. До сих пор человечество анализировало смысл великих водоразделов лишь после того, как они оставались позади. Но поступать так сегодня слишком рискованно. Необходимо тщательно разобраться в том, что нам уготовано, и осознанно стремиться к улучшению своих шансов. Для решения этой грандиозной задачи требуется пролить какой-то свет на ряд факторов, определяющих нынешние эпохальные перемены.

Позвольте начать со следующего высказывания: для того чтобы выжить и продолжить свое развитие, не обрекая себя на вымирание, мы должны пересмотреть свои представления о вселенной, о человеке и об идеях прогресса и развития.

Рассел: Вы говорите о вымирании, но что же именно стоит перед такой угрозой? Я не думаю, что на этой планете погибнет вся жизнь. Жизнь очень выносliва. Несмотря на то, что в прошлом вымирали ведущие биологические виды, жизни в целом всегда удавалось сохраниться. Возможно, если бы не глобальный катаклизм, стерший с лица земли шестьдесят пять миллионов лет назад динозавров и восемьдесят пять процентов других видов, эволюция не привела бы к возникновению человечества. Не исключено, что деятельность людей приведет к вымиранию других крупных видов. Если это действительно так, то это будет первый случай, когда причиной подобного вымирания оказывается образ жизни одного из собственных видов планеты. Разумеется, это будет беспрецедентным событием, однако и в этом случае жизнь сумеет сохраниться. При таком сценарии тем видом, к исчезновению которого приведут наши действия, будем, скорее всего, мы сами, однако мы не уничтожим всю жизнь на планете.

При самом наихудшем сценарии мы уничтожим озоновый слой. Тогда жизнь на суше станет невозможной. Ультрафиолетовая радиация так же опасна для насекомых, цветущих растений и микроорганизмов, как и для человека. Но в море жизнь сохранится; она суще-

ствовала там за миллиарды лет до формирования озонового слоя. А впоследствии, когда озоновый слой восстановится, не исключено, что живые существа вновь заселят и сушу.

Впрочем, я не думаю, что это самый вероятный из сценариев. Гораздо более вероятно, что серия крупных экономических и экологических катастроф приведет к падению западной цивилизации. Но это не будет концом человечества. Некоторые изолированные туземные народы смогут выжить и в конечном счете создать новую цивилизацию – будем надеяться, более мудрую, чем наша. Впрочем, и падение западной цивилизации не означает физического конца для всех нас. Ведь крушение советской системы не привело к гибели жителей этих стран. Разумеется, там произошли далеко идущие перемены и для многих наступили трудные времена. Однако люди в большинстве своем все еще живы.

Все это, возможно, звучит довольно пессимистично, и тем не менее в отношении человеческих способностей и того, чего мы можем добиться в качестве индивидуумов перед лицом бедствия, я настроен оптимистически. Возможно, нам предстоят трудные в материальном отношении времена, но в то же время я верю, что мы стоим на пороге великих изменений в сфере сознания.

Ласло: К сожалению, возможность исчезновения целых видов всегда существует. Западная цивилизация в своей недальновидности может привести к всеобщему катаклизму. У нас столько оружия и столько разрушительной силы, что мы вполне способны уничтожить если не всю жизнь на Земле, то все *высшие* формы жизни. Для ее восстановления могут потребоваться тысячи, а при наихудшем сценарии – даже миллионы лет. Но, конечно, жизнь на Земле все равно будет продолжаться – если не произойдет космическая катастрофа, – и Земля просуществует еще миллиарды лет.

Однако давайте обратимся к более конкретному примеру. В настоящее время избытков продовольствия в США хватает примерно на сорок дней, не больше. Если в отсталых странах случится крупный неурожай, импорт продовольствия станет невозможен ни за какие деньги. В случае серьезного сбоя с продуктами в Африке или Азии этого избытка хватит ненадолго.

И что же тогда произойдет? Что будет, если возможностей планеты Земля хватит лишь на то, чтобы прокормить пять или четыре миллиарда человек, а не шесть миллиардов? Что случится после того, когда «лишние» люди окажутся ниже уровня выживаемости? В подобной ситуации могут разразиться разрушительные конфликты, вспыхнуть опустошительные эпидемии, произойти массовые переселения. Содрогнется вся мировая система. Не очень-то хочется долго обсуждать вариант Страшного Суда, однако необходимо осознавать, что мы стоим перед угрозой весьма серьезных потрясений. Отсюда следует необходимость изменения западного способа смотреть на вещи.

Я недавно вернулся из Азии, где в очередной раз убедился в том, сколь мизерны там шансы у нуждающихся людей на какие-либо изменения в их жизни. Они с трудом умудряются сводить концы с концами. Большая часть человечества живет слишком близко к уровню выживания, и этот факт тоже подтачивает системы жизнеобеспечения.

Куда ни глянь, везде та или иная проблема, куда ни посмотри, везде необходимо как-то адаптироваться. Все это означает необходимость изменения ведущего модуса сознания. Это корень проблемы. Мы должны начать думать иначе, чувствовать иначе и по-другому относиться друг к другу и к природе. В противном случае нам не справиться с угрожающей нам опасностью. В наше время мы все находимся в одной лодке. Думаете ли вы, что у нас есть способность измениться? Есть ли реальный шанс на радикальное изменение в сознании?

Гроф: Я уже более сорока лет занимаюсь исследованием необычных состояний сознания, вызванных психоделическими препаратами или мощными экспериментальными фор-

мами психотерапии, а также теми, которые возникают самопроизвольно. За это время я был свидетелем огромного множества примеров глубокой трансформации индивидуального сознания. Среди наблюдаемых при этом изменений – значительное снижение агрессивности и общее повышение сострадания и терпимости. По мере того, как растет способность наслаждаться жизнью, наблюдается значительное снижение ненасытного стремления к преследованию линейных целей – стремления, оказывающего, судя по всему, магическое воздействие на людей в западном индустриальном мире и во всем нашем обществе. Я говорю об убежденности в том, что «больше» означает «лучше», что неограниченный рост, удвоение или утроение валового национального продукта способно осчастливить всех нас. Другим важным аспектом этой трансформации является духовный кризис универсальной и несектантской природы, характеризующийся осознанием единства всего мироздания и глубокой связи с другими людьми, другими видами, природой и целым космосом.

Поэтому у меня нет никаких сомнений в возможности глубокой трансформации на личном уровне, а также в том, что она увеличит наши шансы на выживание, если будет происходить в крупных масштабах. Естественно, остается открытым вопрос, произойдет ли трансформация такого рода в достаточно крупном сегменте населения за достаточно короткое время, чтобы привести к существенным переменам. Перефразирую этот вопрос в практической плоскости: можно ли ускорить подобное изменение, и если да, то с помощью какой стратегии и какие побочные явления будут с ней сопряжены? Так или иначе, но в самой по себе человеческой личности уже имеются встроенные механизмы, способные стать промежуточным звеном на пути к глубокой и благотворной трансформации.

Ласло: В настоящее время мы видим, что в мышлении людей происходят изменения, предвещающие подлинную революцию в сознании. Что вы по этому поводу думаете? Связано ли это с тем фактом, что нам угрожает опасность, или же это случайность, простое совпадение?

Рассел: Я считаю, что связь есть. Но, скорее, не угроза является причиной трансформации, а обе они проистекают из одного и того же источника – свойственного нашей культуре материалистического сознания. Это коренная причина глобального кризиса. Наша деловая этика, наша политика, даже наш индивидуальный стиль жизни – все это лишь симптомы более глубокой проблемы. Вся наша цивилизация нежизнеспособна, и причина этого в нежизнеспособности нашей ценностной системы, самого нашего сознания, которое определяет наше отношение к миру.

Нас приучили верить, что чем больше у нас вещей, чем больше мы производим, чем больше у нас контроля над природой – тем мы счастливее. Именно это и приводит к тому, что мы так склонны всё эксплуатировать, так много потреблять, не заботясь о других частях планеты и даже о других представителях своего собственного вида. Нежизнеспособна сама эта разновидность сознания.

Сегодня лишь десять процентов населения мира принадлежит к обеспеченному классу, у представителей которого после приобретения еды, одежды, крыши над головой и других материально необходимых вещей еще остается достаточно денег на различные излишества. Однако эти десять процентов потребляют более трех четвертей всех ресурсов планеты. До массового сознания постепенно доходит факт нежизнеспособности такого порядка вещей. Невозможно обеспечить подобный стиль жизни всему человеческому роду, тем более что численность его постоянно растет.

Положительная же сторона состоит в том, что целесообразность этой материальной культуры и лежащего в ее основе материалистического сознания все чаще вызывает серьезные сомнения. Всё больше людей здесь, на Западе, где люди ведут самый расточительный

образ жизни, начинают признавать, что такой подход несостоятелен, что он не дает нам того, к чему мы на самом деле стремимся. Наша система может быть очень хороша для удовлетворении наших физических потребностей. Мы можем покупать еду в супермаркете, путешествовать куда захочется, носить модную одежду, жить в роскошных домах. Однако она не отвечает нашим более глубоким, внутренним, духовным потребностям. Несмотря на все свои материальные возможности, люди чувствуют себя такими же подавленными, незащищенными и нелюбимыми, как и прежде.

Гроф: В определенном смысле сам факт насыщения и перенасыщения в сфере базовых материальных потребностей и породил кризис смысла и духовных потребностей в обществе. Долгое время мы находились в плену иллюзии и ложной надежды на то, что рост материальной обеспеченности сам по себе способен основополагающим образом изменить качество жизни, принося нам благополучие, удовлетворение и счастье. Богатство западных индустриальных стран на сегодняшний день невероятно, особенно в определенных слоях общества. Многие семьи наслаждаются подлинным изобилием – большой дом, два набитых едой холодильника, три или четыре машины в гараже, возможность поехать в отпуск в любое место в мире. Но ничего из этого не принесло людям удовлетворения – налицо рост числа эмоциональных расстройств, злоупотребление наркотиками и алкоголизм, преступность, терроризм и насилие в семье. Наблюдается повсеместная утрата смысла, ценностей и перспективы, отчуждение от природы и общая саморазрушительная тенденция. Осознание краха философии мейнстрима ознаменовало в жизни многих людей поворотный пункт. Они начинают интересоваться альтернативой и обретают ее в духовном поиске.

Ласло: Такое впечатление, словно что-то в коллективной психике человечества включает предупреждающий сигнал, служащий стимулом к изменению.

Рассел: Нечто подобное пережил Будда до того, как стал Буддой. Он родился в очень богатой семье, был принцем, у него было все, в чем он только мог нуждаться, – замечательная еда, всевозможная роскошь, украшения, танцующие девушки. Но он осознал, что обладание всеми этими богатствами неспособно положить конец страданию. Он видел, что страдание присутствует в его собственной семье, среди его придворных, в городе за пределами дворца. Поэтому он решил посвятить свою жизнь поиску способа прекращения страдания.

Сегодня мы переживаем похожий процесс. С учетом современных удобств, которыми мы пользуемся, большинство из нас еще состоятельнее, чем Будда, когда он был принцем. И так же, как и он, мы начинаем осознавать, что все это благополучие не только не прекращает страдания, но иногда даже усугубляет его. В обществе широко распространена озабоченность смыслом жизни. Кто мы? Почему мы существуем? Чего именно мы на самом деле хотим? Речь идет не об отдельных людях – миллионы пытаются найти за пределами материальной цивилизации более глубокий смысл, внутренний мир и способ удовлетворения духовного голода.

Ласло: Есть признаки надежды. Если бы все люди верили, что их счастье обусловлено только существующими материальными стандартами и улучшением качества жизни по линии обычного прогресса, предусматривающего обладание все большим и большим числом вещей, то в конце этого туннеля не было бы никакого света. Но это не так. Если характер мышления людей претерпевает подлинные перемены, значит, можно рассчитывать на то, что постепенно формируется новая, более адаптированная к природе культура.

Гроф: В своей работе мне приходилось иметь дело с людьми, которые в течение многих десятилетий интенсивных и непрекращающихся усилий преследовали свою цель, а затем, наконец достигнув ее, впадали в глубочайшую депрессию, поскольку все это время ожидали получить от своей цели нечто такое, чего она дать никак не могла. Джозеф Кэмпбелл говорил об этой ситуации: «это все равно, что добраться до вершины лестницы и обнаружить, что она приставлена не к той стене».

Такая одержимость всевозможными линейными устремлениями весьма характерна для нас – как на индивидуальном уровне, так и для всей западной цивилизации в целом. Это погоня за миражом счастья, которое всегда мыслится как нечто, находящееся где-то в будущем. Ничто не удовлетворяет нас таким, как оно есть. Мы чувствуем, что что-то должно измениться: хотим иначе выглядеть, иметь больше денег, власти, положения или славы, хотим найти другого партнера. Мы не живем полностью в настоящем и воспринимаем свою жизнь как некую подготовку к лучшему будущему. Это модель постоянной ненасытности, никак не зависящей от наших конкретных достижений. Видя вокруг себя примеры людей, достигших всего того, что, как нам кажется, может нас осчастливить, – таких, как Аристотель Онассис, Говард Хьюз и многие другие, – мы начинаем понимать, что для них это не сработало, но так и не учимся на их примере, продолжая верить, что в нашем случае все было бы по-другому.

С другой стороны, я неоднократно встречал людей, которые оказались способны обнаружить психологические корни этой модели и сумели либо избавиться от нее, либо уменьшить ее влияние на ход их жизни. Как правило, они осознавали, что такое отношение к жизни тесно связано с присутствием в их бессознательном незавершенного гештальта травмы биологического рождения. Хоть мы и сумели родиться на этот свет, мы так по-настоящему и не усвоили и не интегрировали тот факт, что нам удалось избавиться от мертвой хватки сжимающего родового канала. Память об этом все еще живет в нашем бессознательном. Это впечатанное в нас знание впоследствии играет роль трафарета, через который мы видим мир и свое место в нем. Подобно младенцу, борющемуся с тисками родового канала, мы не можем наслаждаться существующей ситуацией и ищем решение в будущем. Нам всегда кажется, что оно где-то впереди.

Экзистенциалисты называют такую жизненную стратегию автопроекцией: мы воображаем себя в некой, лучшей, чем сейчас, ситуации в будущем, и начинаем преследовать этот мираж. Такая стратегия проигрышна, независимо от того, достигаем мы конкретной цели или нет, поскольку она никогда не приносит нам того, чего мы от нее ожидаем. Она ведет к неподлинному способу существования, неспособному дать истинное удовлетворение, к существованию, которое иногда называют «крысиными гонками» или «конвейером». Единственный выход – обратиться внутрь себя и завершить эту модель с помощью экспериментальной работы в процессе психодуховного возрождения. Полное удовлетворение в конечном счете наступает благодаря переживанию духовного измерения существования и своей собственной божественности, а не преследованию материальных целей какого бы то ни было масштаба. Когда люди правильно распознают психодуховные корни этой модели ненасытной жадности, они начинают понимать необходимость обращения внутрь себя и переживания внутреннего преображения.

Ласло: Находится ли такое осознавание на подъеме?

Гроф: Впечатление, несомненно, именно такое. Я чувствую, что это как-то связано с тем фактом, что все больше и больше людей приходят к выводу, что автопроекция представляет собой обанкротившуюся, неработающую стратегию, поскольку они лично убедились в том, что материальный успех не приносит удовлетворения, либо, наоборот, из-за того, что

непрерывное преследование ими внешних целей породило непреодолимые трудности. Так или иначе, ситуация отбрасывает их внутрь, в их собственный внутренний мир, и у них начинается процесс трансформации. Свою долю в этот процесс может внести и крах стратегии неограниченного роста в мировом масштабе.

К сожалению, психиатры часто диагностируют многих из тех, кто переживает такого рода радикальную трансформацию, как людей, страдающих психозом, и сажают их на седативные медикаменты. Мы с моей женой Кристиной верим, что среди людей, в настоящее время находящихся на излечении от психозов, есть весьма многочисленная группа тех, кто в действительности проходит сложную психодуховную трансформацию, нуждаясь в том, что мы называем «духовной скорой помощью».

Рассел: В определенном смысле вся наша культура нуждается в духовной скорой помощи. Во многих отношениях корни этой ситуации уходят к шестидесятым годам, когда многочисленные представители общества бросили вызов главенствующему мировоззрению, разглядев новый способ поведения и общения с людьми и миром, не основанный на старой материалистической парадигме.

Сегодня многое из того, что происходило тогда, может показаться проявлением наивности, однако прозрения тех лет глубоко затронули всю нашу культуру. К примеру, медитация считалась раньше чем-то чужеродным. В наши дни те или иные виды медитации практикуются повсеместно, ей обучают даже в некоторых корпорациях. Она стала общепризнанной и уважаемой формой деятельности. То же самое произошло и с йогой. В шестидесятые годы йогу изучал только авангард; сейчас ее практикуют миллионы людей.

Другой пример – психотерапия. В прошлом посещение психотерапевта автоматически воспринималось как признак того, что у вас серьезные психологические нарушения, что у вас далеко не всё в порядке. В сегодняшней Калифорнии считается, что у вас не всё в порядке, если вы *не* ходите к психотерапевту. Даже те, кого мы считаем психологически здоровыми, осознают, что они не реализуют весь свой потенциал, признавая, что без посторонней помощи им, вероятно, не удастся обнаружить ограничивающие их скрытые психологические комплексы и мыслительные модели.

Тридцать лет назад мало кто интересовался саморазвитием. В наши дни интерес к нему стал достоянием мейнстрима. В шестидесятые годы, когда я был студентом в Кембридже, в самом большом книжном магазине в Британии была лишь одна полка с книгами по эзотерическим темам и духовным учениям. Сегодня в любом городе вы найдете как минимум один магазин, а чаще – с полдюжины магазинов, полностью посвященных книгам по исследованию сознания и метафизическим вопросам.

Рост интереса к этим вопросам отражается и в списке бестселлеров. В последние годы книги по саморазвитию, по вопросам духовности и исследования сознания составляют около 50 процентов, а порой и больше, из числа наиболее продаваемых книг. Это то, что люди читают, то, что их интересует. Сходные тенденции наблюдаются в кино, телевидении, в журналах, даже в Интернете.

Ласло: Из сказанного следует вывод, который всегда занимал мое воображение и продолжает занимать его все больше и больше. Речь идет о том, что мы, как индивиды, возможно, не являемся пленниками своего черепа, запертыми в собственной коже. Что все мы какими-то интимными узами связаны друг с другом, а быть может, и со всеми другими проявлениями жизни на планете. Поэтому в ситуации, когда всем нам угрожает реальная опасность – а сейчас сложилась именно такая ситуация, – что-то проникает в умы людей, пусть даже большинство этого и не осознаёт, и включает предупреждающие сигналы, порождая стремление к изменениям. Полагаю, не будет преувеличением предположение о существова-

нии всеобщего разума человечества, чего-то вроде ноосферы, коллективного бессознательного, действующего внутри и вокруг нас. В эти дни оно начинает проявляться в сознании отдельных людей. Возможно, существуют силы, действие которых простирается за пределы обычных экономических, политических и общественных факторов. Это важно для нашего выживания; если бы действовали одни лишь обычные факторы, ситуация выглядела бы практически безнадежной: их никак не хватит для того, чтобы мы изменились вовремя.

Мы уже и так значительно отстаем. Для предупреждения завтрашнего кризиса нам необходимо было бы измениться еще вчера. Однако если в нашем коллективном бессознательном есть нечто способное проникать в сознание индивидов, то ситуация выглядит более обнадеживающей.

Гроф: Не могу не согласиться с этим. События в мире не всегда развиваются по линейной логической схеме. Мы с вами оба, Эрвин, родом из Восточной Европы, и политическое развитие там живо интересует нас. Думаю, вы согласны с тем, что если бы кто-то за неделю до падения Берлинской стены сказал нам, что это произойдет, мы бы со смехом отмахнулись от такого прогноза, как от нелепой фантазии. Столь же неправдоподобно прозвучало бы заявление, что после сорока лет советского тоталитаризма и политического деспотизма Горбачев просто потеряет интерес к Венгрии, Чехословакии, Польше и другим союзным странам и предоставит им свободу. И уж тем более нелегко было предвидеть, что сам Советский Союз буквально в одночасье распадется и прекратит свое существование в качестве мировой державы. О предсказании подобных событий на основе обычной экстраполяции прошлого опыта не могло быть и речи. Тут должны были сработать какие-то иные факторы.

Ласло: О том, что такие процессы происходят нелинейно, скачкообразно, могло подсказать нам знание того, как трансформируются сложные системы. Отдельные детали великих трансформаций непредсказуемы. Можно лишь ожидать от них неких радикальных новшеств. Но возможны ли такие же революционные перемены в процессах, проистекающих в нашем уме? Произойдет ли в ближайшие годы столь же далеко идущая и бесспорная трансформация и в нашем сознании, несмотря на то, что на сегодняшний день можно наблюдать лишь едва заметные ее симптомы? Возможно ли, что мы находимся на пороге великой революции в сознании?

Рассел: Безусловно, возможно. Если интерес к личностному развитию будет продолжать расти такими же темпами, и если этот интерес найдет свое выражение в изменении сознания, то мы станем свидетелями процесса позитивной обратной связи, ведущей к экспоненциальному ускорению внутренней осознанности. Чем больше пробуждается людей, чем шире распространяется знание о факторах, культивирующих внутреннюю осознанность, – тем благоприятнее становится социальная среда для дальнейшего пробуждения, поощряя к пробуждению все большее число людей. В результате вероятность изменения в сознании растет, и само изменение становится более легким. Такое развитие может спровоцировать коллективный скачок в сознании.

Смерть и возрождение: вымирание и обновление

Рассел: Однако, помимо возможной революции в сознании, есть и много других возможных сценариев. Мы только что говорили о том, что живем в непредсказуемые времена. Темп перемен столь высок, а мир настолько сложен, что никто не возьмется предсказать, каким он будет через десять или даже через пять лет. Несомненно лишь одно – нас ожидает много внезапных перемен. Некоторые из них могут оказаться катаклизмами, некоторые –

крупными политическими переворотами, иные – значительными сдвигами в сознании. Не думаю, что в наших силах точно прогнозировать, *что именно* и *как* будет происходить. Мы должны быть готовы к любым, самым неожиданным событиям. Может произойти все, что угодно.

Ласло: Или не произойти ничего. Это было бы хуже.

Рассел: Такого не будет.

Ласло: Я имею в виду, что, когда перемена произойдет, нас уже не будет.

Рассел: Нас, возможно, не будет. И страх, вызываемый такой возможностью, весьма реален. Он сам по себе требует пристального внимания, поскольку очевидным образом связан со страхом смерти.

Наша личная смерть – единственное, в чем мы можем быть уверены в своей жизни. Понимание этого и есть та цена, которую мы платим за способность осознавать свою индивидуальность и смотреть в будущее. Смерть является единственной неизбежностью; тем не менее большинство из нас проживает свою жизнь так, словно этого никогда не случится. Мы стараемся не думать о смерти, живя в отрицании того единственного, что невозможно отрицать.

Это происходит и на коллективном уровне. Мы страшимся конца своего мира, конца своей цивилизации. Но и смерть цивилизации, по-видимому, тоже неизбежна. Ведь ни одна из цивилизаций прошлого не длилась вечно. Почему наша должна отличаться от них? И врачи, и духовные учителя говорят нам, что принять свою личную смертность и даже приветствовать ее – один из самых здоровых шагов, которые мы способны предпринять. Возможно, нам необходимо сделать то же самое и на коллективном уровне – принять и даже приветствовать конец мира в том виде, в каком мы его знаем.

Обычно мы поступаем прямо противоположным образом, отрицая это, пытаясь с этим бороться. Мы не желаем, чтобы это произошло, вероятно, потому что не хотим лишиться своего удобного стиля жизни, к которому мы так привязаны. Но в конце концов, нам, возможно, все-таки придется это принять. И тогда такое приятие может стать пусковым механизмом, открывающим новые возможности, новый, более богатый, более духовный способ видеть жизнь.

Ласло: Я все-таки верю, что человечество, как вид, способно трансформироваться и возродиться.

Рассел: В принципе, это так. Но мне представляется, что мы должны допустить и такую возможность, что уже слишком поздно, что время упущено.

Ласло: Во мне тоже все время растет такое ощущение. Возможно, мы действительно упускаем время.

Рассел: Необходимо допустить такую возможность. В ее вытеснении таится великая опасность.

Гроф: На основании опыта и наблюдений в своей работе я склонен рассматривать смерть в более широком контексте, в духовной перспективе. В необычных состояниях сознания психологическая встреча со смертью представляет собой ключевой элемент психодухов-

ной трансформации. Когда смерть переживается символически во внутреннем самоисследовании, она способствует духовному открытию, мистическому опыту. Встреча с актуальной биологической смертью может использоваться для этой же цели. Например, в тантрической традиции Тибета и Индии человек должен проводить какое-то время в присутствии умирающих людей и на кладбищах для переживания контакта с мертвецами.

Для опыта смерти во внутреннем переживании характерно то, что на самом деле биологической кончины индивида не происходит. Скорее это можно называть смертью эго. Мы открываем для себя, что наше существо не сводится к тому, что Алан Уоттс назвал «эго, заключенное в кожу». Наша новая идентичность становится гораздо шире – мы отождествляемся с другими людьми, с животными, с природой, с космосом в целом. Иными словами, в нас развивается духовная или надличностная самость. Это естественным образом ведет к более широкой расовой, культурной, политической и религиозной терпимости и повышенной экологической осознанности. Такие изменения могут приобрести огромное значение в нынешнем глобальном кризисе.

Нечто подобное происходит и с людьми, переживающими околосмертный опыт (ОСО). Как правило, они выходят из него глубоко преображенными, с новым набором ценностей и новой жизненной стратегией. Теперь жизнь представляется им чем-то драгоценным, и они не хотят терять ни единой ее минуты. Они больше не желают тратить время на автопроекцию. Это означает, что они действительно живут в настоящем – здесь и сейчас.

Размышляя о прошлом, мы понимаем, что все то время, которое мы потратили на преследование иллюзорного удовлетворения в будущем, было потрачено впустую. Перед лицом близкой смерти лишь то время нашей жизни, которое нам удалось прожить, полностью пребывая в настоящем, оказывается не растраченным зря. Это великий урок, который преподает людям встреча со смертью – как с реальным, биологическим концом, так и с символическим ее переживанием в ходе медитаций, психоделических сессий, холотропного дыхания или самопроизвольных психодуховных кризисов.

Рассел: У меня недавно было переживание, связанное со смертью близкой подруги. Она скончалась несколько недель назад. Я узнал о том, что у нее рак, более чем за год до этого, и был подготовлен к ее смерти. Тем не менее, когда она ушла, первой моей реакцией было ощущение, что мне и самому необходимо умереть. Сначала я никак не мог понять природу этого чувства, однако, позволив ему развернуться в себе, я постепенно осознал, что испытываю потребность в смерти на уровне эго для того, чтобы моя жизнь стала полнее.

Несколько недель спустя я разговаривал с ее возлюбленным, и оказалось, что он пережил сходный опыт, но намного глубже, чем я. Он сказал, что когда она умерла, он тоже умер. Осознавание неизбежности смерти и ее значимости оказало на него столь глубокое воздействие, что после этого он заново ожил. «Я не собираюсь больше терять не единого мгновения своей жизни, – сказал он. – Я не буду больше отказывать себе в возможности прожить жизнь по-настоящему». В каком-то смысле, некая его часть умерла, а другая возродилась через опыт потери любимой. Это было очень мощное и трогательное переживание.

Ласло: Недавно, когда я был в Индии, в Ауровилле, у меня тоже было глубокое личное переживание. Как-то раз мне никак не удавалось заснуть на протяжении всей ночи, и я не понимал, что мне мешает. Наутро я получил известие о смерти своей матери. День спустя я поехал в Дхарамсалу, чтобы повидаться с Далай-ламой. Я провел там три дня, включая тот, который тибетцы считают особенно важным днем после смерти человека. Именно в этот день сознание покойного начинает свой переход. Находясь в обществе тибетских лам, я осознал, что это не конец. Есть непрерывность существования. Это было очень глубокое переживание, и, если бы оно посетило меня в западной обстановке, я пережил бы его совер-

шенно иначе. Оно навсегда осталось со мной, проявляясь самыми разными способами. Чувство потери все еще есть, но есть и ощущение, что это не абсолютная потеря, не конец, а трансформация.

Гроф: Это очень похоже на тот вид осознанности, который люди выносят из мощного трансформирующего переживания: смерть – не финал и не абсолютный конец существования, это важный переход в иную форму бытия.

Ласло: На Востоке знание о жизни, смерти и возрождении передавалось в течение тысячелетий. Теперь и мы на Западе заново открываем его.

Гроф: Действительно, многое из этого было известно веками или даже тысячелетиями в самых разных частях света. Около сорока лет назад я приступил к психоделическим исследованиям, будучи вооружен фрейдистским психоанализом, представляющим собой весьма узкую и поверхностную модель психики. В сериях ЛСД-сеансов все, с кем я работал, рано или поздно выходили за фрейдистские рамки, ограниченные постнатальной биографией и личным бессознательным. Они испытывали широкий спектр переживаний, не значащихся в картах теорий Фрейда и западной психиатрии. Я три года терпеливо записывал эти переживания, полагая, что создаю новую картографию человеческой психики. Согласно моему тогдашнему пониманию, это оказалось возможным благодаря открытию такого мощного исследовательского инструмента, как ЛСД. Однако, доведя карту до такого состояния, когда она уже включала в себя самые важные области опыта, наблюдаемого мною в психоделических сеансах, я понял, что эта новая карта отнюдь не нова, что она представляет собой лишь заново открытую, очень древнюю карту.

Многие переживания, включенные в мою картографию, описаны в антропологической литературе о шаманизме, самом древнем целительском искусстве и религии человечества. В шаманизме неординарные состояния сознания играют критически важную роль – как в кризисе посвящения, через который проходят в начале своей деятельности многие шаманы-новички, так и в целительских обрядах. Похожие переживания известны также из «ритуалов перехода» – важных обрядов, впервые описанных в книге голландского антрополога Арнольда ван Геннепа.

Ритуалы перехода проводятся в туземных культурах в периоды критических биологических и общественных переходов, таких как рождение ребенка, обрезание, половое созревание, брак, менопауза, старение и умирание. В этих переходах туземцы использовали методы индуцирования неординарных состояний («технологии сакрального»), сходные с шаманскими, – барабанный бой, звук трещоток, танец, пение, социальную и сенсорную изоляцию, пост, лишение сна, физическую боль и психоделические растения. Как правило, у проходящих обряд посвящения бывали глубокие переживания психодуховной смерти и возрождения.

Многие переживания, попавшие в мою расширенную картографию психики, можно найти и в литературе о древних мистериях смерти и возрождения, широко распространенных в древнем мире – от Средиземноморья до американского континента. Все они основаны на мифологиях, описывающих смерть и возрождение богов, полубогов и легендарных героев, как истории об Инанне и Таммузе, Изиде и Осирисе, Дионисе, Аттисе, Адонисе, Кецалькоатле и героях-близнецах майя. Во время мистерий у посвященных, проходивших различные процедуры по изменению состояния сознания, бывали мощные переживания смерти и возрождения.

Наиболее известными из этих ритуалов были элевсинские мистерии, проводившиеся каждые пять лет на протяжении почти двух тысячелетий в Элевсине, близ Афин. Захваты-

вающе интересные исследования Гордона Уоссона (который привез в Европу мексиканские волшебные грибы), Альберта Хоффмана (открывателя ЛСД) и Карла Рука (греческого ученого) показали, что важную роль в элевсинских мистериях играло священное зелье *кикеон,* сакральное психоделическое средство, приготовлявшееся из спорыньи и сходное по своему воздействию с ЛСД. Посетив с Кристиной Элевсин, мы узнали там, что число людей, каждые пять лет проходивших посвящение в главном зале *(телестрион),* превышало три тысячи. Очевидно, контакт с этими переживаниями оказал экстраординарное влияние на древнегреческую культуру, а через нее – и на европейскую культуру в целом. Однако этот факт до сих пор не признан историками.

Список участников древнегреческих мистерий читается как своего рода сборник «Кто есть кто в античном мире». Он включает в себя имена философов Платона, Аристотеля и Эпиктета, поэта Пиндара, драматургов Еврипида и Эсхила, военачальника Алкивиада и римского оратора Цицерона. Зная все это, я считаю очевидным, что данные, полученные нами в ходе исследования измененных состояний сознания, на самом деле представляют собой заново открытые древнее знание и мудрость. Мы лишь сформулировали их в современных терминах.

Рассел: Да, мы вновь открываем мудрость, которая уже многократно открывалась в разных культурах. Ведь мы исследуем природу человеческого ума, а по сути своей на протяжении человеческой истории она не претерпела значительных изменений. Сильно изменились лишь наши осознанные представления, наше понимание мира, убеждения, ценности. Пожалуй, в этой области действительно произошли значимые перемены. Но способы, которыми наш ум попадает в ловушку страхов, привязанностей и желаний, изменились очень мало. Суть динамики ума сегодня такая же, какой она была и два с половиной тысячелетия назад. Поэтому для нас все еще так ценно чтение Платона или Упанишад.

В ходе человеческой истории всегда находились люди, признававшие существование огромных, непознанных возможностей человеческого сознания. Многие из них открывали для себя новое измерение осознанности, ведущее к большему ощущению внутреннего мира и к более богатым и гармоничным взаимоотношениям с окружающим миром. Такими были святые, мудрецы и шаманы, которых знает любая культура. Многие из них старались помочь и другим пробудиться для этого более свободного измерения сознания и разработали различные техники и практики, направленные на освобождение ума от многочисленных ограничений. Все они так или иначе искали способы помочь людям перешагнуть через эгоистичный способ осознавания.

Ласло: Может ли распространение этих новых прозрений и техник в западном мире оказать заметное воздействие на то, что мы делаем, на то, как мы относимся друг к другу и к природе?

Гроф: Я, несомненно, верю в то, что это способно произвести самое глубокое воздействие на наше мировоззрение и привести к изменению нашего отношения к жизни. Если мы сравним мировоззрения западной индустриальной цивилизации с теми, которые существуют в древних и туземных культурах, мы обнаружим значительное различие. Некоторые аспекты этого различия касаются отношения к смерти и к нашему познанию материального мира. В частности, западная наука совершила множество открытий в самом широком спектре областей – от астрофизики до мира квантов. Древние и туземные культуры ничего об этом не знали. Однако это нечто вполне естественное, связанное с течением времени и с прогрессом. Этого вполне следует ожидать.

Но есть и другой аспект отличия – экстраординарный и удивительный – и касается он фундаментального расхождения, касающегося вопроса о присутствии или отсутствии духовного измерения во вселенной. Для западной науки мир представляет собой по сути своей материальную систему, которая сотворила себя сама. Этот мир постигаем, по крайней мере – принципиально, его можно полностью понять на основе естественных законов. Жизнь, сознание и разум рассматриваются наукой как более или менее случайные, побочные продукты материи. Полностью отлична от этого характерная для древних и туземных культур концепция одушевленной вселенной, обладающей многими различными измерениями, в том числе и духовным. Все эти измерения являются разными аспектами реальности.

Обычно различие между двумя мировоззрениями объяснялось тем, что западная наука стоит гораздо выше примитивных суеверий. Любое представление о духовности материалистические ученые считают проявлением недостаточного знания, предрассудка, фантазий, стремления принять желаемое за действительное, примитивного магического мышления, проецированием инфантильных образов на небо мироздания, а то и просто симптомом тяжелого душевного недуга. Однако более пристальное изучение вопроса приводит нас к выводу, что дело отнюдь не в этом. В результате сорокалетних исследований сферы сознания я убежден, что подлинной причиной различия являются наивность и невежество западной индустриальной цивилизации в отношении неординарных состояний сознания. Все древние и туземные культуры относились к измененным состояниям сознания с величайшим почтением. Они тщательно разрабатывали безопасные и эффективные способы их индуцирования и применения в самых разных целях – и в качестве основного связующего звена в ритуальной и духовной жизни, и для диагностирования и исцеления заболеваний, и для развития интуиции и сверхчувственного восприятия, и для артистического вдохновения.

Рассел: Ранее я уже говорил, что корни нынешнего интереса к сфере сознания прослеживаются уже в шестидесятые годы. Любопытно отметить, что в значительной степени эта смена интересов была вызвана именно необычными состояниями сознания. В тот период впервые в нашей истории психоделики использовались в самых широких масштабах, в результате чего многие люди пережили особые состояния, о которых мы говорим. Воздействие их было чрезвычайно глубоким. Многие после таких переживаний стали совсем другими людьми. И это влияние никуда не ушло.

Помню, однажды, в начале восьмидесятых, Тимоти Лири спросили, куда делись дети цветов. Он ответил, что они ушли в семена. А ведь так оно и есть. На сегодняшний день этим людям за сорок и за пятьдесят. Лишь немногие полностью выпали из общества, в большинстве же своем они вновь интегрировались в нем, создали семьи, родили детей, сделали карьеру. Некоторые занимают сегодня весьма респектабельные и влиятельные позиции. Я лично знаю таких, кто руководит крупными корпорациями, некоторые стали ведущими фигурами в шоу-бизнесе, другие занимают важные посты в сферах образования, управления и здравоохранении. И для многих видения и прозрения, которые они обрели в шестидесятые годы, все еще сохраняют свою ценность. Некоторые ненавязчиво используют свое нынешнее влияние для того, чтобы их видение постепенно просачивалось в общество.

Еще одна интересная особенность последних лет – растущий интерес к сознанию среди ученых. В прошлом наука оставляла вопросы сознания без внимания, имея на это вполне веские основания. Сознание невозможно измерить, как другие явления и объекты; его нельзя документировать, его не так-то просто даже определить. Да и физический мир, как кажется, прекрасно продолжает функционировать в сознании без необходимости. Поэтому особого стимула изучать этот предмет не было. Но сегодня все меняется – в какой-то мере благодаря растущему знанию о работе мозга, и вопрос о сознании постепенно снова оказывается в фокусе внимания. Ученые и философы начинают интересоваться: а что же такое

сознание? Как оно соотносится с деятельностью мозга? Как оно эволюционировало? И откуда оно берется? В последние несколько лет этой теме был посвящен целый ряд международных научных конференций. Ею занимается новое научное издание «Журнал исследования сознания».

Итак, отчасти такая открытость к вопросу изучения сознания вызвана развитием науки, однако я полагаю, что в значительной степени она явилась и результатом того, что уже у очень многих людей есть опыт измененных состояний сознания. Каким бы ни было воздействие этих переживаний, одно несомненно – они производят революцию в отношении человека к сознанию. Как вы сказали, Стэн, человек, пройдя через глубокое переживание такого рода, не может не прийти к выводу о том, что в наших представлениях о разуме имеются и серьезные провалы.

Думаю, вокруг нас распространяется глубокая революция в человеческом видении реальности. Хватка старых материалистических моделей ослабевает, и каждый из нас постепенно вносит свой вклад в новое понимание. Судя по направлению развития, в котором мы движемся, новая модель будет признавать разум и сознание в качестве фундаментального аспекта реальности.

Ласло: Это изменение происходит, несмотря на незнание или даже нежелание ученых мейнстрима. Порой человек меняется помимо своей воли, не ведая причины перемен. В этой связи мне вспоминается переживание, которое было у меня лет шесть-семь назад. Мне пришла в голову некая мысль, которая показалась мне всего лишь мимолетной, хотя, быть может, и интересной для исследования идеей. В результате я написал небольшое эссе, которое было опубликовано только на итальянском языке под названием «Гипотеза пси-поля». Затем я о ней было забыл, однако другие люди не дали мне это сделать. Даже спустя несколько лет после выхода книги мне продолжали звонить из-за нее, ссылаться на нее, исследовать ее. В конце концов я задумался над тем, не имеет ли то мое давнее исследование значения, которое сам я проглядел. Заметьте, я до сих пор так и не сумел избавиться от мыслей на эту тему… Напротив, эта идея неожиданно захватила меня вновь, и в настоящее время я над ней работаю, все больше склоняясь к тому, что в космосе действительно есть что-то похожее на мое гипотетическое пси-поле – некое тонкое информационное поле взаимных связей.

Такие интуитивные догадки осознаются не до конца. Я сам точно не знаю, почему вдруг увлекся этой концепцией: прежде в моем уме не было ничего такого, что подготовило бы меня к этому.

У меня такое впечатление, что подобного рода события в сегодняшнем мире случаются все чаще и чаще, словно людей что-то толкает в сторону определенных исследований. Может быть, это также и знак времени, результат того, что мы живем в особенно нестабильную и переменчивую историческую эпоху. Но являются ли эти изменения достаточно быстрыми? Могут ли они произвести достаточно мощное воздействие? Разумеется, они не в полной мере предсказуемы. Но есть ли у нас основания для разумного оптимизма относительно возможных последствий этих перемен?

Революция в сознании?

Рассел: Позвольте мне рассказать об одном происшествии, которое случилось со мной около четырех лет назад и сильнейшим образом повлияло как на меня самого, так и на мою работу. Я совершал лекционное турне по Соединенным Штатам, посвященное презентации моей книги «Белая дыра во времени». В целом речь на моих лекциях шла о тех же вопросах, которые мы обсуждаем здесь. Я выдвинул предположение, что переживаемый челове-

чеством глобальный кризис в основе своей является кризисом сознания, и если мы желаем уберечь мир, от нас требуется нечто большее, чем спасение дождевых лесов, борьба с загрязнением окружающей среды, с выделением вредных углеводородных газов и уничтожением озонового слоя. Нам необходимо освободиться от эгоцентрического, материалистического модуса сознания, порождающего все эти проблемы. В противном случае окажется, что мы противостоим внешним симптомам недомогания, а не ее первопричине, и заметаем более существенную проблему под ковер.

В какой-то момент я почувствовал, что в том, что я говорю, есть какой-то изъян, некий диссонанс между моими словами и тем, что я на самом деле думаю. Я понял, что говорю не то, во что в действительности верю, а то, во что верил в прошлом. Однако мои взгляды успели постепенно измениться, и я осознал, что на сегодняшний день чувствую иначе, чем прежде. Я обращался к людям, исходя из собственных убеждений, и понимание этого было для меня дискомфортно.

Это пришло мне в голову однажды в Далласе, где я вел радиопрограмму, куда люди звонили со своими вопросами и комментариями. К своему удивлению, я неожиданно заметил, что большинство звонящих отрицают сам факт существования какого-то кризиса окружающей среды. Некоторые признавали, что кризис есть, но не считали, что он как-то касается их самих, и что они должны нести ответственность за него. У них было твердое убеждение, что все эти разговоры о парниковом эффекте и заботе об озоновом слое являются всего лишь разновидностью левацкого заговора. Если и есть какие-то экологические проблемы, то они не здесь, не в США. Не было и речи о том, что эти люди согласятся как-либо изменить свою жизнь. Они не были готовы выслушивать тех, кто ставит под сомнение целесообразность американского стиля жизни.

Это заставило меня понять, что те немногие, с кем у меня есть подлинная коммуникация, и без того уже являются моими единомышленниками, что я обращаюсь с проповедями к уже обращенным. Конечно, в этом тоже есть своя ценность: все мы нуждаемся в том, чтобы время от времени кто-то вдохновлял нас и подкреплял наши глубокие убеждения. Тем не менее это не могло произвести значительного влияния на подавляющее большинство, которое в настоящее время нисколько не заинтересовано в изменении своего сознания.

Моей первой реакцией на такое понимание были ощущение безнадежности и депрессия, и это заставило меня понять еще целый ряд моментов, которые прежде не привлекали моего внимания. Предположим, нам удастся заинтересовать большую часть людей, и они захотят измениться. Как быстро, спросил я себя, может меняться сознание? Возьмем, к примеру, меня самого. Я – человек, который уже около тридцати лет практикует медитацию и различными способами исследует сознание. Разумеется, я лично извлек из этого немалую пользу и во многих отношениях изменился; и тем не менее я все еще далеко не просветлен, все еще нахожусь в плену своих старых привычек мышления, мой эго-разум большую часть времени все еще находится у руля, и я до сих пор далеко не образец для подражания. После всех этих лет мне предстоит еще очень длинный путь, а ведь я осознанно работал над своим внутренним ростом. Если это столь медленный процесс, то каковы же шансы у тех, кто даже сознательно не пытается двигаться в этом направлении? Есть ли хоть какие-то основания для надежды, что человечество вовремя пробудится?

Тогда я подумал: допустим, по какому-то волшебству все пробудились бы прямо сейчас. Стало бы это концом наших проблем? Предположим, на Землю сегодня высадились инопланетяне и изменили наше сознание, или новый Будда выступил по телевидению, и все мы тут же прониклись его словами. Так вот, даже если мы все вдруг пробудимся и станем просветленными существами, кризис не исчезнет в одночасье. Для того чтобы остановить запущенные нами процессы – истощение ресурсов, демографический взрыв, уничтожение дождевых лесов, парниковый эффект, – потребуется много времени.

Нетрудно понять, что эта мысль лишь усугубила мою подавленность. И тут я вспомнил, как разрабатывал для нефтяной компании «Шелл» возможные будущие сценарии мирового развития. В «Шелл» работает группа футурологов, занимающаяся разработкой прогнозов на тридцать лет вперед и картографированием возможных сценариев. Цель этих исследователей не предсказание будущего – они знают, что это невозможно, – а создание диапазона сценариев, которые необходимо принимать во внимание при принятии важнейших решений. Если, к примеру, вы намерены основать в Венесуэле новый нефтеочистительный комбинат, вы понимаете, что это весьма долгосрочное решение, поэтому вам интересно прикинуть, как оно может сказаться в контексте различных экономических, политических, социальных и экологических сценариев. Вы хотите быть уверены, что прикрыли все тылы.

Я понял, что все мое внимание отдано лишь одному из этих сценариев: «мы можем спасти мир, если изменим свое сознание». Назовем это сценарием А. Я полностью вытеснял из сферы своего рассмотрения сценарий Б, согласно которому уже слишком поздно, сдвиг в мыслительных парадигмах уже ничего не спасет, и ничего с этим поделать нельзя. Это весьма неприятный вариант, и, разумеется, именно поэтому я не допускал его до своего осознания. Однако, каким бы он ни был дискомфортным, очевидно, что он очень важен и достоин изучения.

И я решил: ну ладно, давайте посмотрим на эту возможность. Итак, каким будет мир в сценарии Б? Очевидно, что в нем есть масса всевозможных вариантов, но все их объединяет одно: будет много боли и страдания. Боль бывает психологическая – жизнь может стать по-настоящему трудной, когда людям приходится отказываться от того, к чему они привыкли, когда они лишаются привычного комфорта. Бывает также физическая боль. Как знать, что произойдет, если истощатся запасы продовольствия, а ведь вы, Эрвин, говорили нам, что считаете это вполне возможным.

Что же сможет помочь в этих обстоятельствах, спросил я себя. Мне представлялось совершенно очевидным, что по крайней мере одно будет очень важным – забота, сострадание, сообщество. Я вспомнил свою югославскую знакомую из Загреба, которая пережила там войну, общественный хаос, опустошительные бомбежки. Я спросил, как ей удалось пройти через все это, и она объяснила, что жизнь в таких условиях была терпимой только благодаря тому, что она имела возможность встретиться с друзьями, выпить с ними чаю и получить какое-то человеческое участие.

Как развить участие и сострадание? Этот вопрос снова привел меня к самой сути буддизма. Как отпустить свои привязанности, желания, страхи и весь остальной «материал», который держит нас взаперти в наших личных мирах, заставляет заботиться только о собственном благополучии? И тут меня неожиданно осенило. К своему изумлению я понял, что это по сути тот же самый путь, который я отстаивал в случае со сценарием А. Если мы стремимся исцелить планету и спасти самих себя через изменение собственного сознания, мы должны избавиться от своего эгоцентризма, от своей привязанности к вещам. Оказывается, сценарий Б предуказывает то же самое направление. Для того чтобы выжить в трудные времена, нам необходимо освободиться от привязанностей и сосредоточения на собственных интересах, стать более любящими, более участливыми существами. По какому бы сценарию ни стали разворачиваться события, путь один и тот же – необходимо внутреннее пробуждение.

Это озарение освободило меня. Если при любом сценарии мы должны проделать одну и ту же работу, то уже не так критически важно, какой именно осуществится сценарий. Теперь для меня это уже не вопрос повышения осознанности ради некой конкретной цели – спасения мира или продолжения существования в ситуации крушения. Повышение осознанности оказалось важно само по себе, в любом случае. Теперь я был свободен продол-

жать следовать своему пути, но уже без привязанности к определенному исходу. Для меня это было значительным сдвигом.

Ласло: В худшем из сценариев, несомненно, потребуется очень значительное изменение в сознание и гораздо больше сострадательности – просто для того, чтобы выжить. Считаете ли вы, что такая «революция в сознании» произойдет в мире сама по себе?

Рассел: Обретение подлинного сострадания требует большой внутренней работы. Иногда развитию сострадательности могут способствовать лишения, но это не всегда так. Все зависит от степени открытости и готовности каждого конкретного человека. Поэтому мы все еще должны фокусироваться на внутренней работе, на освобождении своего ума от страха и отживших убеждений, от мертвой хватки своего эго-разума. Нам все еще необходимо развивать больше внутренней устойчивости и освобождаться от своих материальных привязанностей. Чем больше мы занимаемся этим сейчас, тем более гибкими и сострадательными мы, вероятнее всего, будем, когда возникнет необходимость.

Поворотным пунктом для меня стало понимание того, что при любом развитии событий потребуется та же самая внутренняя работа, что я должен заниматься ею в первую очередь для самого себя. Изменение сознания ценно само по себе. Возможно, благодаря этому мы избежим каких-то катаклизмов, возможно – нет. Но это все равно абсолютно необходимо.

Гроф: В древних и традиционных культурах люди регулярно проходили через измененные, необычные сознания в различных социально санкционированных ритуалах. Они переживали отождествление и глубокую связь с другими людьми, с животными, с природой и целым космосом. У них были мощные по своему воздействию встречи с архетипическими существами и посещение различных мифологических областей. Неудивительно, что им приходилось интегрировать эти переживания и наблюдения в своем видении мира. Мировоззрение традиционных культур представляет собой синтез того, что люди переживали в повседневной жизни через свои обычные органы чувств, и того, с чем они сталкивались в визионерских состояниях.

В сущности, с нашими современниками, имеющими возможность переживать необычные состояния сознания, происходит то же самое. Я не встречал ни единого человека, неважно, с каким уровнем образования, коэффициентом интеллекта и профессией, который, пройдя через мощные надличностные переживания, все еще подписывался бы под материалистическим монизмом западной науки. Я являюсь президентом-учредителем Международной трансперсональной ассоциации. До сих пор мы уже провели пятнадцать международных конференций со звездным списком участников, ученых с впечатляющими заслугами. Все они, пройдя через опыт измененных состояний или изучая его у других, приходили к выводу о серьезной недостаточности ньютоновско-картезианского мировоззрения. Рано или поздно все они подошли к более широкой альтернативе видения космоса, объединяющего современную науку с перспективами, сходными с теми, которые характерны для мистических традиций, восточных духовных философских учений и даже для туземных культур. Их новое мировоззрение предусматривает одушевленную вселенную, пронизанную абсолютным сознанием и высшим космическим разумом. Я верю, что нечто такое же произойдет со всей нашей культурой, если необычные состояния сознания станут широко доступны.

Первый день
Полдень

Измерения трансформации

Сдвиг сознания в обществе, сдвиг парадигмы в науке

Ласло: Как с очевидностью вытекает из всего, сказанного нами этим утром, все мы единодушны в том, что необходимы фундаментальные перемены в сознании и что, по некоторым признакам, такие перемены уже происходят. Не следует ли нам, в свете определенных аспектов этого процесса, задаться вопросом о том, каково главное различие между тем видом сознания, которое необходимо, и тем, что все еще главенствует на сегодняшний день?

Гроф: В нынешнем кризисе я вижу два элемента, требующих радикального изменения в сознании. Один из них свойственен человеческой природе с незапамятных времен, второй является продуктом современной эпохи.

В человеческой истории всегда доминировали необузданное насилие, «злобная агрессия» – по определению Эрика Фромма – и ненасытная жадность и стяжательство, постоянное желание иметь все больше и больше. На протяжении столетий мы наблюдаем расовую, культурную, политическую и религиозную нетерпимость, время от времени взрывающуюся в войнах и кровавых революциях, нашествиях, завоеваниях и господстве.

В наши дни эта ситуация усугубляется вкладом материалистической науки и ее глубокого идеологического воздействия. Господствующее научное мировоззрение в некотором смысле поддерживает жизненную стратегию, основанную на индивидуализме и соревновательности, а не на синергии и сотрудничестве. В контексте дарвинистского и фрейдистского мышления вполне естественно, законно и приемлемо преследование эгоистических целей за чужой счет. Это отражает нашу истинную природу, основанную на примитивных инстинктах, и полностью согласуется с дарвинистским принципом: «выживает сильнейший».

Налицо также далеко идущие экологические последствия действия старой парадигмы, то отношение к природе, о котором говорил Пит и которое впервые сформулировал Френсис Бэкон. Это беспощадная эксплуатация природы, расхищение необновляемых ресурсов, глобальное загрязнение среды. Поэтому нам необходимы новые стратегии, которые сделают возможной трансформацию таких деструктивных человеческих тенденций, как злобная агрессия и ненасытная жадность, а также всесторонний пересмотр существующей системы ценностей и научного мировоззрения. В нашей культуре, для которой характерно непомерное, зачастую необоснованное и нереалистичное почитание науки, нельзя переоценивать значение смены парадигмы.

Ласло: Стэн, вы говорите о нынешнем почитании науки, упомянув в то же время господство картезианского, бэконианского и ньютоновского взглядов. Мне кажется, что мы питаем пиетет к полностью отжившей науке.

Гроф: Да, проблема именно в этом.

Ласло: Одна из трудностей в развитии и распространении нового сознания заключается в его неизбежном противостоянии доминирующему мировоззрению, поскольку речь идет о воззрении научно-технического истеблишмента. Поэтому необходимо также обновление наших представлений о том, что на самом деле сообщают нам науки. Ведь по сути общество в целом отстает от ведущего края научной мысли.

Гроф: Именно это я и хотел сказать. Престиж науки необычайно высок, но то, что большинство людей подразумевают под наукой, является ньютоновско-картезианской парадигмой, центральное место в которой занимает монистический материализм. Такой способ мышления порождает для нас ужасные последствия – как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Поэтому так важно, чтобы глубокая внутренняя трансформация сочеталась с пересмотром устаревшего научного мировоззрения. В связи с этим, Эрвин, я считаю, что работа, которую вы ведете, чрезвычайно важна для нашего будущего. Помимо того, что она предлагает блистательный синтез таких уже существующих общих концептуальных теорий, как концепции Дэвида Бома, Руперта Шелдрейка и Ильи Пригожина, она делает возможным преодоление разрыва между наукой и духовностью. Наука с отчетливо антидуховной установкой в обществе, где она пользуется громадным уважением и авторитетом, заметно сдерживает интерес людей к духовному поиску.

Ласло: Мы исходим из того, что наука является открытым мероприятием, что она всегда готова измениться с учетом новых данных. Но многие исследователи проявляют невероятный консерватизм, по сути они столь же консервативны, как остальные их коллеги в академическом мире. Поэтому это непростая задача – убедить ученых взять на себя ответственность за передачу знаний, имеющих для людей подлинный смысл и в то же время открывающих новые перспективы. В традиционной, консервативной и жесткой науке нет ничего осмысленного, есть лишь математика и считывание показаний приборов. Людей не беспокоит смысл этих показаний, коль скоро уравнения работают и регулярно сверяются с показаниями и результатами наблюдений. Такой подход не только устарел, он опасен. К счастью, консерватизм не сказывается на творческом и новаторском крае науки, где и происходит большинство прорывов. Там мы видим открытость по отношению к новым идеям, новым мировоззрениям и даже новой духовности.

Гроф: Мне представляется крайне увлекательным сравнение состояния современной психологии и психиатрии с тем, что произошло на ведущем крае физики в первые десятилетия этого века. Как мало времени потребовалось физикам, чтобы совершить радикальнейший концептуальный скачок от ньютоновской физики к эйнштейновской теории относительности, а затем – к квантовой механике! Для сравнения: на сегодняшний день уже накопилось огромное количество данных, иллюстрирующих неадекватность и непригодность нынешнего научного понимания сознания и человеческого разума. Такие свидетельства поступают из сравнительного религиеведения, антропологии, экспериментальной психиатрии, экспериментальной психотерапии, парапсихологии, танатологии и других областей науки. И тем не менее, наука мейнстрима полностью игнорирует все эти данные.

Очень наглядно можно убедиться в этом на примере танатологии. Мы многократно проводили наблюдения, предполагающие, что люди в околосмертных ситуациях часто обладают способностью воспринимать окружающий мир без посредничества органов чувств – они сверху наблюдают за процедурой реанимации своего тела, оказываются свидетелями происходящего в других помещениях здания или даже путешествуют в бестелесном состоянии в различные удаленные места. Это – так называемые «повторимые внетелесные переживания». Широкая публика тоже знает об этом явлении, благодаря популярным книгам,

ток-шоу и даже голливудским фильмам. Кен Ринг в своем недавно опубликованном исследовании продемонстрировал, что такие переживания бывают даже у людей с врожденной слепотой. Казалось бы, одного лишь этого наблюдения должно было хватить для того, чтобы развенчать миф о том, что сознание является продуктом нейрофизиологических процессов в мозге, и привести к радикальному пересмотру существующей парадигмы. Многочисленные похожие наблюдения имеются также в трансперсональной психологии и в современном исследовании сознания.

Рассел: Когда к таким фактам начнут относиться более серьезно, мы несомненно станем свидетелями грандиозной смены парадигм в науке. Она может оказаться самым значительным сдвигом, когда-либо имевшим место в западном мышлении. Не исключено, что мы уже находимся на его ранней стадии. Томас Кун, который около тридцати лет назад впервые ввел идею парадигмы, показал, что смена парадигм происходит несколькими стадиями. Сначала идет стадия открытия аномальных данных, не укладывающихся в существующие модели реальности. Поскольку сама модель еще никем не подвергается сомнению, аномалии игнорируются или даже отрицаются. Затем, поскольку число таких данных становится настолько велико, что игнорировать их уже нелегко, существующая модель модифицируется в попытке приспособить к ней необычные наблюдения. В классическом примере коперниковской эволюции такой аномалией было движение планет, не соответствующее представлению, согласно которому они должны двигаться вокруг Земли по круговым орбитам. Средневековые астрономы пытались объяснить эти несоответствия, добавив к круговым орбитам так называемые эпициклы, то есть кривые, которые описывают окружности, вращающиеся вокруг других окружностей. Однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы объяснить результаты наблюдений, и тогда ученые добавили эпициклы к эпициклам – окружности, вращающиеся вокруг окружностей, которые, в свою очередь, тоже вращаются вокруг окружностей. В результате сложилась весьма громоздкая модель. Тем не менее, достоверность базового мировоззрения все еще не вызывала сомнений.

В том, что касается явлений сознания, мы находимся сейчас на такой же стадии. Для западной науки сознание является великой аномалией. В научной модели реальности человеческое сознание невозможно вывести из чего-то другого, и ничего ее не может объяснить. Однако сознание – единственное, в существовании чего мы можем быть полностью уверены. Именно о нем сделал Декарт свое знаменитое высказывание: *cogito ergo sum* [1]: я могу усомниться в точности своего восприятия, могу усомниться в своих мыслях, в своих чувствах, однако есть нечто, в чем я не могу усомниться, – это сам факт, что я воспринимаю, мыслю и чувствую, что у меня есть сознание. Таким образом, ученые находятся сегодня в странной ситуации. Постоянно получая подтверждения факта своего сознания, они, тем не менее, не имеют никакой возможности его объяснить.

В прошлом наука просто закрывала глаза на этот вопрос. Казалось, нет необходимости принимать в расчет сознание, ведь они изучали не разум, а физический мир. Сегодняшняя наука столкнулась с ситуацией, в которой она уже не может продолжать просто игнорировать вопрос о сознании. Теперь, что типично для второй стадии смены парадигм, предпринимаются усилия как-то растянуть общепринятую схему, чтобы эта аномалия могла уложиться в ней. Некоторые ученые с надеждой смотрят на квантовую физику, другие – на теорию информации, третьи – на нейропсихологию. Все они всё еще пытаются объяснить сознание, оставаясь внутри существующей парадигмы пространства-времени-материи. То обстоятельство, что они никак не могут добиться какого-либо значимого продвижения, подсказывает мне, что, скорее всего, они находятся на ложном пути. Необходима принципиально новая модель

[1] Мыслю – значит, существую *(лат.)*.

реальности, в которой сознание является столь же фундаментальным аспектом реальности, как пространство, время и материя, а может быть – еще более фундаментальным.

Это третья стадия куновского процесса – создание радикально новой модели, объясняющей аномальные явления. Мы туда еще не пришли. Нам уже ясно, что старая парадигма не работает. Для нас очевидны ее трещины и слабые места. Однако лишь очень немногие дерзают выходить в своем мышлении за пределы той клетки, которой является модель пространства-времени-материи. Но для появления новой модели потребуется именно это. На сегодняшний день наука все еще находится в цепком плену у старой схемы.

Ласло: Мы держимся за устаревшую парадигму, относясь к ней как к реальности, а не модели. Мы – то есть большинство ученых, а также людей, взирающих на науку как на источник истины, – свято верим в то, что наши представления о реальности и есть сама реальность.

Рассел: Да. Так всегда происходит с парадигмами. Люди верят, что их модель является реальностью, а не ее описанием.

Гроф: Грегори Бейтсон писал и говорил о том, что люди путают карту территории с самой территорией.

По его словам, это все равно что прийти в ресторан и съесть вместо обеда меню.

Ласло: По счастью, даже в августейшем мире науки происходят тонкие изменения, последствия которых значительны и в целом непредсказуемы. Даже карта, которую принимали за реальность в течение трехсот лет, может в конце концов оказаться выброшенной на обочину. Именно это произошло в первом десятилетии нынешнего века, когда эйнштейновская теория относительности пришла на смену классической ньютоновской механике. Но почему произошло именно это? Ведь физики всегда могли объяснить определенные теории на основе совершенно иных теорий. Все на свете имеет всегда больше, чем только одно объяснение.

Гроф: Действительно, почему была принята именно эйнштейновская интерпретация результатов исследования перигелия Меркурия во время солнечного затмения? Ведь и она не давала абсолютно точных прогнозов, она всего лишь была ближе к реальным результатам опыта, чем то, что можно было вывести из ньютоновской модели.

Ласло: Даже на основе ньютоновской физики можно было предсказать практически те же данные, если бы взяли на вооружение баллистическую теорию света. Предположим, что свет, будучи потоком фотонов, имеет массу. В таком случае, в силу закона гравитации фотоны должны притягиваться к массе Солнца и других небесных тел. Получилась бы такая же искривленная траектория, как та, которую выводят на основании предположения об искривлении пространства или пространства-времени.

Гроф: Так почему же была принята теория Эйнштейна, а не Ньютона?

Ласло: В конечном счете, представляется, что это произошло благодаря чему-то, что является для науки почти эстетическим фактором, а именно – простоте и стройности. Здесь речь идет о простоте и стройности математического аппарата физической теории. В пространственной теории относительности, впервые выдвинутой Эйнштейном, уравнения движения остаются инвариантными даже в случае ускорения движения. Благодаря знаменитым

«релятивистским инвариантам», уравнения выводятся с неизменным постоянством и стройностью. Когда на стыке столетий наука столкнулась со странными явлениями, в том числе с излучением черного тела, физикам для спасения достоверности своих теорий не пришлось добавлять допущений с натяжками и изобретать новые постулаты.

За несколько столетий до этого похожий подвиг совершил Коперник своей гелиоцентрической теорией. Он отказался от эпициклов, добавленных к эпициклам, которые нужны были астрономам, чтобы сохранить достоверность старой геоцентрической астрономии. Коперник был убежден, что природа любит простоту. Разумеется, ученые и сами любят ее в своих теориях, которые и без того слишком сложны, чтобы усложнять их сверх необходимости. Это одно из самых важных соображений, играющих роль при принятии новых теорий в современной науке.

Рассел: Меня всегда очаровывали аспекты простоты и инвариантности устройства вселенной. Я начинал свою научную деятельность математиком. К этой дисциплине меня привлекла ее простота и красота. Для меня явилось настоящим откровением то, что существует одно-единственное базовое уравнение, лежащее в основе механики всего физического мира. Все сводится к той или иной форме эйлеровского уравнения, или к тому, что на более доступном языке называется волновым уравнением. Это очень простая, но чрезвычайно мощная формула. Она применима и к колебанию маятника, и к динамике внутриатомных процессов, и к распространению света, и к движению планет. Она поразительно проста и поразительно красива. Если бы в тот период меня спросили, есть ли бог, я бы ответил, что бог – в математике.

Но еще удивительнее тот факт, что математика, представляющая собой порождение человеческого разума, имеет какую-то связь с физической реальностью.

Гроф: Эту способность математики моделировать явления в материальном мире можно было использовать в качестве главного аргумента против картезианского раскола между *res cogitans* и *res extensa* – между разумом и материей. Как, при наличии такого раскола, система, являющаяся продуктом психики, может точно и аккуратно предсказывать явления в совершенно иной сфере?

Ласло: Ученые склонны рассматривать единое множество явлений, пытаясь объяснять его с помощью наиболее простого и красивого математического аппарата. Однако простота и красота математики меняется по мере того, как меняется изучаемый диапазон явлений. Для одновременного описания явлений и физического, и биологического мира будет использовано не то же самое множество концепций, как в случае изучения только одного из этих миров. Если добавить к этому еще и мир человеческой психики с учетом самых эзотерических сфер опыта – таких, как, например, надличностные и околосмертные переживания, о которых мы говорили ранее, то наша концептуальная система снова изменится, поскольку нам придется искать еще более общее объяснение. Возможно, в ближайшем будущем появится красивая и точная базовая математика, охватывающая более широкий пласт действительности – пласт, который включит, наряду с миром живой природы и с физической вселенной, и человеческое сознание.

Рассел: Да, я думаю, что именно в этом направлении мы и движемся – новая парадигма может сложиться в самое ближайшее время. Для этого нужно лишь, чтобы кто-то собрал все части мозаики каким-то совершенно новым образом и создал теоретическую модель, способную принять во внимание как мир мысли, так и мир материи. Я нахожу эту тему чрезвычайно захватывающей; именно она находится в фокусе моей работы в последние несколько

лет. В настоящее время сознание представляется нам чем-то, возникающим из пространства, времени и материи, чем-то, являющимся результатом физической деятельности нервной системы. Но то, к чему мы идем, буквально противоположно этому представлению. Я уверен, что рано или поздно нам придется принять, что сознание абсолютно фундаментально для вселенной, что оно не возникает из материи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.